

## Маргиналии Вольтера

Примечательную особенность личной библиотеки Вольтера, хранящейся в Ленинграде в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, как известно, составляют маргиналии – собственноручные пометы на полях принадлежавших ему книг. Весьма многие (до 30 %) из этих книг носят на себе красноречивые следы их внимательного чтения Вольтером, его работы с ними. Мы находим здесь многочисленные закладки, чистые и заполненные конспективными записями наклейки, отчеркивания, корректурные исправления и, наконец, заметки на полях в собственном смысле.

Система закладок, привлекавших к себе внимание при приближении к книге, придает еще и в наши дни своеобразный вид отдельным томам вольтеровской библиотеки: из них иногда торчат буквально целые пучки узеньких полосок, либо вовсе без пометок, либо с пометками рукой секретаря Вольтера, Ваньера – «*p. m.*» или «*note marginale*», т. е. «заметка на полях»<sup>1</sup>. Иногда Вольтер прибегал также к загибанию углов заинтересовавших его страниц книги. Один из подобных случаев нарочитого загибания угла на только что прочтенной им книжке, чтобы она могла злопамятно подсказать нужную цитату в подходящий момент, сохранен нам биографом Вольтера, Денуартерром<sup>2</sup>. Когда в Потсдаме Вольтеру попались в руки «Мои мысли» Ла Бомелля (в копенгагенском издании 1751 г.), то задетый за живое двумя фразами этой книги, он загнул уголок соответствующих страниц и при первой же беседе с заносчивым автором – 7 декабря 1751 г. – процитировал их, что и послужило началом литературной вражды, одной из самых яростных даже среди столь многочисленных писательских войн, которые между собою вели литераторы XVIII в., в частности, и сам Вольтер. На книгах библиотеки Вольтера имеются также особые и крайне своеобразные «сигналы» – мельчайшие, иногда величиною менее 0,5 кв. см., обрывки бумаги, тут же отодранной от закладки, слюною приклеенные им посреди текста, непосредственно на начальных словах заинтересовавшей его фразы или стиха. Разумеется, наиболее интересным для исследователя видом вольтеровских помет самого разнообразного характера (мы насчитали до тридцати их родов) являются маргиналии в собственном смысле, рукописные замечания и приписки как на полях книг, так иногда и в самом их тексте, между строками.

<sup>1</sup> Хотя правдоподобно, что Ваньер уже в Петербурге (1779–1780 гг.), при разборе книг привезенной сюда библиотеки Вольтера (для чего он и вызван был сюда Екатериной II), пересматривал и пополнял эти ярлычки, но следует думать, что их значительная часть была изготовлена не в России, для потомства, а еще в Фернэ, для собственных практических нужд владельца библиотеки; точно так же, несомненно, что еще при первом чтении Вольтером отдельных книг его библиотеки, попали на свои места все чистые, т. е. без ваньеровских пометок, или, напротив того, самим Вольтером исписанные закладки.

<sup>2</sup> Desnoiresterres G. Voltaire e la société française au XVIII siècle. Vol. 4. P. 229.

Легко понять, каким ценнейшим источником являются все эти пометы, которыми Вольтер уснащал целые страницы читавшихся им изданий, – редко с похвалой и восхищением, порой с издевкой или бранью, чаще же всего с фактическими поправками, начиная от корректорских и кончая вполне обоснованными справками и замечаниями опытного полемиста. Они ценны тем, что дают в руки исследователю свежие и обильные свидетельства об истинном образе его мыслей, об его вкусах, пристрастиях и антипатиях, и притом свидетельства абсолютно непосредственные, не стесненные ни формой, ни полемическими или пропагандистскими, ни (что особенно важно) цензурными сообщениями. При всей боевой заостренности гласных выступлений Вольтера (не исключая и анонимных), при всем обилии находящихся в нашем распоряжении откровенно-пристрастных высказываний его в письмах к близким друзьям и единомышленникам, лишь эти маргиналии в состоянии раскрыть нам до конца сложную и противоречивую фигуру «фернейского философа». Для этого нужны именно те живые подробности, которые выступают на свет тогда, когда будут освещены самые глухие уголки обширной библиотеки Вольтера, где до сих пор хранятся как бы в «запечатанном» виде его смешки, его бранные возгласы, невольно срывавшиеся с его уст при чтении неприемлемых для него произведений, или же выражения одобрения и солидарности в тех случаях, когда он чувствовал свою близость к читаемому тексту.

Хотя публикация вольтеровских маргиналий началась, собственно, уже свыше ста лет тому назад<sup>3</sup>, но из огромного их количества учтена и изучена, в сущности, еще весьма малая их часть. Ряд маргиналий приведен был в известном собрании сочинений Вольтера, вышедшем под редакцией Л. Молана<sup>4</sup>, некоторые пометы были обнаружены и изучены русскими учеными, имевшими возможность работать над его книгами<sup>5</sup>, или зарубежными вольтероведами, специально приезжавшими для этой цели в Петербург – Ленинград<sup>6</sup>; в особен-

---

<sup>3</sup> Сошлемся здесь в качестве примера хотя бы на изданные еще в 1822 г. Ренуаром «Notés inédites», сделанные Вольтером на книге маркиза Шастелю «Рассуждение об общественном счастье» (Амстердамские издание, 1772 г.). Ср. мою статью: Вольтеровские материалы в советских собраниях // Лит. наследство. 1937. № 29/30. С. 173 и далее.

<sup>4</sup> Voltaire. Oeuvres complètes : 52 т / ed. Moland. Paris : Garnier Frères, 1877–1885.

<sup>5</sup> См. например: Радлов Э. Л. Отношения Вольтера к Руссо // Вопросы философии и психологии. 1890, кн. 2 ; Шмурло Е. Петр Великий в оценке современников. СПб., 1912. Вып. 1; Державин К. Н. Вольтер – читатель «Эмиля» Руссо // Изв. Акад. наук СССР. Сер. VII. ООИ. 1932 № 4. С. 317–339.

<sup>6</sup> Еще в 1850 г. Леузон Ледюк, поверхностно ознакомившийся с библиотекой Вольтера, находившейся в то время еще в Эрмитаже, упомянул о том, что многие книги покрыты «собственноручными маргиналиями» французского писателя, но нашел их слишком незначительными и не стоящими внимания (Le Duc L. Rapports sur les papiers de Voltaire conservés dans la bibliothèque Imperiale et dans celle de l'Ermitage de Saint-Petersbourg // Archives des missions scientifiques et littéraires. Paris, 1850. Vol. 1. P. 40–41); Hector de la Ferrière, напротив того, нашел их не только интересными, но даже достойными издания в специальной хрестоматии, которую он предлагал озаглавить: «Les lectures de Voltaire» (Troisième Rapport sur les recherches faites à la Bibliothèque Impériale de Saint-Petersbourg // Archives des missions scienti-

ности много маргиналий опубликовано было двумя американскими учеными – George R. Havens и Norman L. Torrey, побывавшими в Ленинграде для изучения Вольтеровской библиотеки летом 1927 г.<sup>7</sup> Однако все эти публикации не только не исчерпывают всех наиболее интересных и наиболее важных с исторической или литературной точек зрения автографов Вольтера, оставленных им на его книгах, но даже не дают о них полного представления. Их полный постраничный перечень и описание должен будет дать давно намеченный (и уже частично осуществляемый) труд Государственной Публичной библиотеки – «Корпус вольтеровских маргиналий», но это предприятие потребует еще многих лет кропотливого труда.

Приводимые нами ниже подробные описания вольтеровских помет лишь на двух книгах его библиотеки, правда, представляющих особый интерес для исследователя, имеют своей целью не только ввести в оборот свежий и любопытный вольтеровский рукописный материал, но и указать лишний раз на то, каким благодарнейшим источником для изучения Вольтера являются его маргиналии вообще. Вот почему детальное описание двух книг из его библиотеки интересно предварить общей характеристикой его маргиналий, которая позволит наметить также некоторые вопросы методики их описания и изучения.

Весьма многие книги библиотеки Вольтера имеют пометы их владельца самых различных родов. Так например, на Ламоттовом переводе «Илиады», вернее, на полях вступительного к нему рассуждения автора о Гомере (в изд. 1714 г.)<sup>8</sup>, мы найдем и чистую закладку, и отчеркивание на полях, и подчеркивание отдельных слов, и корректурное исправление пропущенного слова и, наконец, заметки на полях, то сочувствующие мыслям автора, то резко расходящиеся с ними, то носящие характер фактических справок: «Очень верно, а значит и очень хорошо», «Увы, слишком верно», «Брови Юпитера, потрясающие небо, кажутся мне лишь смешными», «Если бы Гомер действительно хорошо изобразил все эти различные характеры, он бы заслуживал восхищения. Но

---

fiques et littéraires. 2-me série. 1867. T. 4. P. 98). См. также: Caussy F. Inventaire des manuscrits de la Bibliothèque de Voltaire, Paris, 1913.

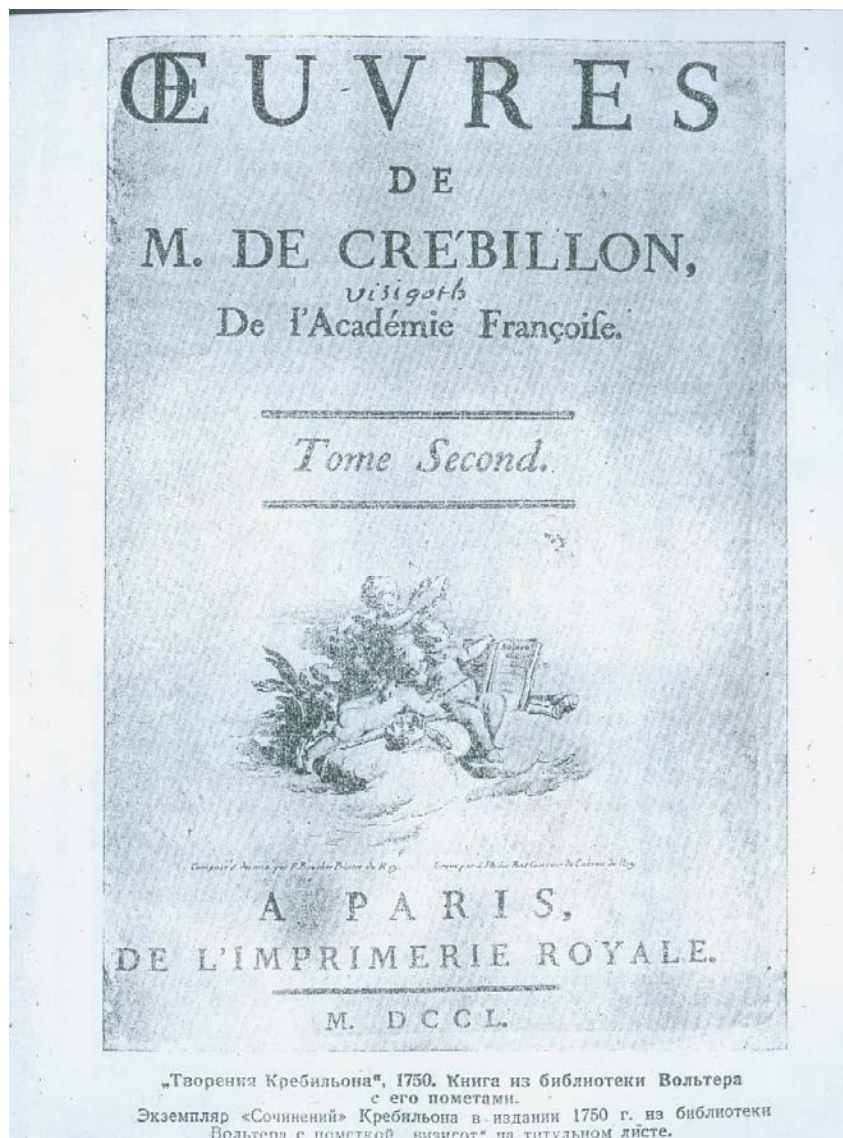
<sup>7</sup> См.: Havens G. R., Torrey N. L. The Private Library of Voltaire at Leningrad // Publications of the Modern Language Association of America. 1928. Vol. 43, Dec., 1928. P. 990–1009; а также принадлежащие тем же авторам статьи: Voltaire's Library // Fortnightly Review. 1929. Sept.) и особенно: The Books of Voltaire: a selected List // Modern Philology. 1929. Vol. 27, № 1, Aug. За этими общими осведомительными статьями последовал ряд их частных работ по ленинградским материалам: Havens G. R. Voltaire's marginalia on the pages of Rousseau. A comparative study of ideas, Columbus, Ohio, 1933; Его же. Voltaire's Marginal Comments upon Pope's «Essay on Man» // Modern Language Notes. 1928. Vol. 43, № 7. P. 429–439; Torrey N. L. A note on Voltaire's Commentaire Historique // Ibid. P. 439–442; Его же. Voltaire and the English Deists (Yale Romantic studies, vol. 1). New Haven : Yale Univ. Press, 1930; Havens G. R. A corrected reading of the one of Voltaire's notes on Rousseau's Emile // Mod. Lang. Notes. 1932; Его же. Les notes marginales de Voltaire sur Rousseau // Revue d'Histoire littéraire de la France. 1933. № 3. P. 434–440. Ср.: South Atlantic Quarterly. 1932, № 4, Oct. P. 408–416 и др.

<sup>8</sup> L'Illiade. Poème / Avec un discours sur Homère par monsieur de la Motte. Paris, 1714. Шифр 6–98, закладка перед с. 131 (текст поэмы).

Ахилл выдает Бризеиду как трус и дурак, он убивает Гектора как подлец и обращается с его трупом как каннибал», «Об этом в те варварские времена столько еще не знали», «Да, Гомер действительно не очень вежлив», «Боги Гомера сами – первые нечестивцы», «Забавно, что оба коня Ахилла бессмертны, а их хозяин не бессмертен», «А Ахилл в VI-й песне говорит, что это неправда».

Вот образец примитивной шутки: на титульном листе «Полиэргии или Смеси из литературы и стихов Г. де В» Вольтер добавляет (перед словом «Смесь») слово «тошнотворная», заменяет звездочки буквами, раскрывающими фамилию автора (Вателя) и снабжает его титулом «невшательца», «весьма достойного советника короля польского».

Это – один из весьма излюбленных приемов Вольтера. Ниже мы воспроизводим на снимке подобную вставку титула «вестгот» перед званием Кребильона.



На титульном листке сочинения Вире: «Ответ на Философию истории» (Viret. Réponse à la philosophie de l'histoire. Lyon, 1767) Вольтер после слова «Ответ» добавляет: «глупца» (Réponse d'un sot, etc.). На стр. 118 книги «Lettres sur les voyages» к заголовку «Lettre sur l'esprit fort» он приписывает: «par un es-

prit très faible et très sot». Такой же характер носят аннотации, вводимые им как элемент оформления титульного листа, вроде «ignorant et plat auteur» (невежественный и плоский сочинитель); таковы же замены в заглавии «Богословского словаря» термина «карманный» (Dictionnaire théologique portatif) созвучным словом «снотворный» (soporatif) или приписка к титулу I тома трехтомного трактата «О плохо понятных интересах Франции в области земледелия, населения, финансов, торговли, флота и промышленности» (Un citoyen, Les intérêts de la France mal entendus dans les branches de l'agriculture, de la population, des finances, du commerce de la marine et de l'industrie : 3 vol. Amsterdam, 1756) ехидного вопроса «Не плохо ли они поняты автором?» (ne sont ils pas mal entendus par l'auteur?). Такую же форму шутки принимают иногда и «отзывы по существу» о книге, кажущейся неприемлемой, будь то даже заслужившая впоследствии большой успех «Философская и моральная история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях» аббата Райналя: на третьем ее томе Вольтер, балагуря, помечает: «Histoire lamentable execrable incroyable écrite d'un style si admirable qu'on n'y trouve pas un mot de raisonnable».

Вот пометка на полях, явно предназначенная для памяти в целях ее будущего полемического использования: в трактате Тертуллиана, где христианский ритор изощряется в описании того, как будут корчиться в аду те, кто предается театральным действиям, комизм образа и самый ход мысли автора порождают закладку Вольтера со словами «танцоры, становящиеся более гибкими в аду!» А вот – типичный вольтеровский сарказм, скрытый под маской разъяснительного сопоставления фактов: в «Трактате о существовании и атрибутах Бога» против приглашения автора читателю заглянуть в Евангелие и Деяния Апостолов, чтобы убедиться в несомненности и наглядности учения церкви, на полях приписано: «он там увидит горчичное зерно, лихоимство, прозябшую пшеницу, дающую росток, и т. д., свиней, в которых вселяют дьявола, засохшую смоковницу и т. п., и т. п., и т. п., и нагромождение сказок Гаргантюа».

Особым типом пометок являются два слова «Livre dangereux» («опасная книга»), неоднократно встречающиеся в качестве единственной во всей книге пометки на титульном листе, иногда – на форзаце или шмуцтитуле. Ирония ли тут, практическое указание (на случай выдачи книги в чье-либо пользование) или просто суровая оценка, сказать трудно, хотя, судя по накопленным наблюдениям, такие пометки сосредоточены преимущественно на крайних атеистических сочинениях: для того чтобы окончательно решить этот вопрос, необходимо выделить все случаи таких помет и в каждом отдельном случае сопоставить это суждение со всеми известными высказываниями Вольтера о данной книге.

Наконец, среди множества типов заметок Вольтера (не говоря уже о самом распространенном типе – кратких имен, дат, предметов, цитат, когда ярлык явно рассчитан служить справочным целям) следует выделить еще одну их категорию: раскрытие анонимов и псевдонимов. Вольтер не упускает случая раскрыть авторство Даламбера (на титуле «Lettre à un ami sur un écrit intitulé Sur la destruction des jésuites en France»), или Фридриха II (Essai sur les forms de gouvernement. Berlin, 1777), Неккера и других лиц. Защищая уважаемых им авто-

ров, Вольтер отвергает выставленные на книгах имена. Так, автором «Опыта о предрассудках» (*Essai sur les préjugés*. Londres, 1770) выставлен Du Marsais: «Нет, ничтожный автор, – возражает Вольтер, – Дюмарсе никакого отношения не имеет к твоему плоскому пустословию» («non miserable auteur, Du Marsais na point de part à ton plat verbiage»).

На приписанном Вобану «Проекту королевской десятины» (*Vauban. Projets d'une dixme royale*. S. l., 1707) автор «Века Людовика XIV» помечает: «Эта бессмысленная книжка сочинена Буагильбером, бесстыдно ее опубликовавшим под именем маршала Вобана (*Ce livre insensé est de Boisguilbert qui le publia impudemment sous le nom du maréchal de Vauban*)».

Как ни занимательны или даже поучительны такого рода примечания Вольтера, они не могут сравниться по своей значимости с маргинальными голосами в более узком значении этого термина. «Моим обыкновением является писать на полях моих книг то, что я о них думаю», – признается фернейский читатель г-же де Сен-Жюльен 15 декабря 1766 г.: «соблаговоллив посетить Фернэ, Вы увидите, что все поля „Разоблаченного Христианства“ насыщены замечаниями, доказывающими, что автор заблуждается в отношении самых существенных фактов»<sup>9</sup>. Именно этот разряд помет, критически насыщенных, полемизирующих или аргументирующих, является наиболее ценным элементом комплексного фонда, носящего наименование Библиотеки Вольтера.

Иногда, впрочем, какое-либо одно слово маргиналий (разумеется, взятое не изолированно, но в надлежащем контексте, т. е. в совокупности с комментируемым им текстом и в связи с прочими высказываниями Вольтера) может подчас для исследователя дать не меньше, чем целые главы вольтеровских текстов или даже целые серии писем его к самым близким друзьям.

Остановимся на некоторых особенно обильно маргинированных книгах и подчеркнем их значение для исследователей. Известен целый ряд писем Вольтера к Беллуа, полных самых лестных похвал его драмам и уверяющих адресата в неподдельном от них восхищении Вольтера<sup>10</sup>. Отсутствие таких восторгов в письмах соответствующих лет к другим лицам позволяет заподозрить некоторую преувеличенность комплиментов Вольтера, но, конечно, мы никогда не могли бы вообразить, какова была подлинная его реакция на драму этого автора «Гастон и Баярд», если бы нам не пришли на помощь обильные маргиналии Вольтера, притом самого неумеренно насмешливого, презрительно-ругательного характера на протяжении целого первого акта, кончающиеся гневным «пошел, ты мне слишком надоел!» («va, tu m'ennuies trop!»), после че-

<sup>9</sup> Voltaire. Oeuvres / éd. Moland. T. 44. P. 535, № 6613.

<sup>10</sup> Pierre-Laurent Buiette (1727–1775), известный под именем de Belloy (под которым он выступал на сцене и в елизаветинском С.-Петербурге), с 1758 г. перебравшись в Париж, посвятил себя драматургии, причем успехом своим был обязан не столько художественному достоинству своих драм, сколько их патриотическим сюжетам. О Беллуа, и, в частности, о противоречивых высказываниях о нем Вольтера см. Moffiat M. M. Le Siège de Calais et l'opinion publique en 1765 // *Revue d'histoire Lit. de la France*. 1932. P. 339–354, особенно 351.

го книжка, видимо, была отброшена в негодовании, ибо все дальнейшие ее страницы остались совершенно чистыми<sup>11</sup>.

Возьмем еще один пример. Известно, как многократно и усиленно комментировалась и цитировалась, едва ли не чаще прочих поэм Вольтера, та из них, которая была посвящена Лиссабонской катастрофе 1755 г. (*Poème sur le désastre de Lisbonne*). Описывая землетрясение и размышляя по этому поводу, Вольтер, как известно, давал здесь бой целому ряду богословских тезисов о предопределении, о наилучшем миропорядке и т. п.; во всех известных изданиях поэма эта завершалась темой утешения: утешением этим, хотя и единственным среди моря бедствий, но никогда не покидающим человечество, является надежда. Такое заключение поэмы немало ослабляет ее основной пессимистический тон и обезоруживает в значительной мере весь заложенный в нее социально-философский протест. Однако когда мы взглянем на собственный авторский экземпляр этой поэмы, то увидим, что в нем имеется также и пессимистический (вероятно – основной) вариант поэмы («пересмотр» по терминологии Д. Р. Хевенса, сделавшего это наблюдение в 1927 г.), в котором этот «примиренческий» конец отсутствует, а сама поэма приобретает ту принципиальную остроту, которая делала ее настолько опасной, что Вольтер не решился ее в этом виде доверить печатному станку<sup>12</sup>.

Третий пример приводит нас к несколько иной области интересов Вольтера. Известно, как много писалось по поводу отношений Вольтера к материализму и атеизму. Бесчисленные и притом далеко не всегда однозначные высказывания Вольтера, привлекавшие к решению этого вопроса, скорее запу-

---

<sup>11</sup> Belloy. Gaston et Bayard. Paris : Veuve Duchesne, 1770 (Шифр вольтеровской библиотеки 11–49<sup>2</sup>). Заметки находятся на полях первых 33 страниц. Считаем небезынтересным конкретизировать это наблюдение М. Л. Лозинского примерами некоторых пометок среди множества аналогичных: а) пометки типа «froid et barbare», «ridicule», «plus ridicule», «galimatias», «galimatias barbare», «enigme»; б) цитирование неудачных метафор вроде: «offrir la honte», «l'entremise d'une voix», «ces foudres tourmentés», «une politique qui s'explique aux yeux», «exhalter l'empire d'un rang – plus Iroquois encore»; в) прямые выпады против автора: «ah, pauvre homme», «Sot! Pour faire une tragédie, il faut d'abord savoir écrire», «pas un vers qui ne soit une faute», «eh, polisson, fais nous de vers admirables et ne dis pas à l'acteur d'admirer».

Для обрисовки отношения Вольтера к творчеству Беллуа не менее характерны пометки на экземпляре другой трагедии этого же автора «*Gabrielle de Vergy*» (Paris: Veuve Duchesne, 1770). Часть из них принадлежит к тому же типу: «une flame qui sait», «la chaine d'un joug», «aventure de Georges Dandin», «quel provincial», «vers à la Crebillon», «aux magdelonettes», «le fouet», «idiot». Другие выступления Вольтера еще знаменательнее: «On te verra bientôt mettre en vers avec art Quimpercoirentin ou Vanvre ou Vaugirard», «Rien n'est si ridicule dans une tragédie que toutes ces fausses nouvelles pour gagner du temps».

В конце одной сцены перехваченную многоточием реплику Вольтер завершает столь же юмористической, сколь и непристойной концовкой.

Но все это не мешает ему порою пересыпать свою критику похвалами: «beau», «fort beau», «interessant» и т. п.

<sup>12</sup> Havens G. R. Voltaire's pessimistic revision of the conclusion of the *Poème sur le Désastre de Lisbonne* // *Modern Language Notes*. 1929. Т. 44, № 8, Dec., 1929. P. 489–492.

К заметке приложен фотоснимок, из которого, между прочим, явствует и недосмотр автора, ошибочно прочитавшего «с'est qu'elle» вместо «ciel quelle».

ывали его своей противоречивостью. В этом отношении маргиналии Вольтера, сделанные на принадлежавших ему экземплярах сочинений атеистов XVIII в., дают совершенно новый и чрезвычайно важный материал. Образцом этого могут служить приводимые ниже маргиналии на книге «*Le vrai sens du Système de la nature*». Здесь достаточно красноречиво вскрываются не только выводы Вольтера, но и их тайные пружины.

Для исследователя могут представить интерес и такие критические замечания Вольтера, которые мы находим на его экземпляре «Истории завоевания молуккских островов» де Архенсола (*D'Argensola. Histoire de la conquête des isles moluques. Amsterdam, 1706*): «Ты забавный воришка и глупый резонер. Если бы это было верно, они бы не побили так здорово войска твоего героя Филиппа II», «Ах ты, презренный! Разве не жадность и не религия побудили испанцев и португальцев совершить столько омерзительных деяний?» («*Tu es un plaisant maraud et un sot raisonneur. Si il était vrai, ils n'auraient pas si bien battu les troupes de sot ton heros Philippe 2*», «*miserable que tu es n'est ce pas l'avarice et la religion qui a fait commetre aux espagnols et aux portugais tant d'actions abominables?*»).

Иногда, впрочем, маргинальные заметки не открывают исследователю ничего нового, кроме самого факта повторного перечитывания Вольтером того или иного произведения. Но разве подобные данные не заслуживают интереса сами по себе? Таков например, случай с широко использованным Вольтером «Опытом о Человеке» Попа: маргиналии на экземпляре второго тома сочинений Попа (Лондон, 1735) из библиотеки Вольтера показывают нам случайное позднее перечитывание им этого произведения, вероятно, без определенной цели, отложившееся в 7 английских и 12 французских заметках на полях, несмотря на обращение на «ты», трезвых и спокойных в оценке английского поэта<sup>13</sup>, но при всем том свидетельствующих об эволюции отношения к его воззрениям. Когда же мы, напротив того, имеем, как например, на экземпляре только что вышедшего из типографии «Эмиля» Руссо, 186 пометок или когда экземпляры «Общественного Договора» Руссо, или «Критических Замечаний» Отца Даниэля<sup>14</sup> оказываются сплошь испещренными комментариями, носящими характер систематической критики, то совершенно исключительная ценность таких документальных источников вообще вряд ли нуждается в обосновании.

Переходим к подробному и систематическому описанию помет Вольтера на двух книгах его библиотеки; они не были еще ни изучены, ни опубликованы.

<sup>13</sup> Второй том лондонского издания in 4° (Gilliver, 1735). См. Havens G. R. *Voltaire's marginal comments upon Pope's Essay on Man // Modern Language Notes. 1928. Vol. 43, № 7, Nov. 1928. P. 429–439.*

<sup>14</sup> Rousseau J. J. *Emile ou de l'Education / par J. J. Rousseu. Citoyen de Genève, A Amsterdam : chez Jean Neaulme, Libraire, MDCCLXII. Avec privilège de Nosseign. Les Etats de Hollande et de Westfrise, 1762 ; 4 vol. in 8°.* Максимум отметок приходится на том 3; в общем числе отметок – 48 текстовых. Судя по обрезу, видно, что все пометки сделаны до того, как книга была переплетена. См. упомянутую выше публикацию G. R. Havens, а также статью К. Н. Державина: Вольтер – читатель «Эмиля» // Изв. Акад. наук СССР. Сер. VII. ООИ. 1932, № 4. О «Критических замечаниях» см. ниже.



## 1. Заметки Вольтера на полях драм Кребильона

Множество чрезвычайно любопытных помет Вольтер сделал на экземпляре «Сочинений г. де Кребильона, члена Французской Академии», изданных in 4° в 1750 г. с немалой роскошью и напечатанных в королевской Луврской типографии. Такой чести ни одна из трагедий Вольтера не удостоивалась, несмотря на то, что в длительном соперничестве именно с этим автором Вольтер одерживал свои театральные победы, стоившие ему упорного труда. Он несколько раз умышленно брался за те же самые сюжеты, которые использовал Кребильон-отец: «Орест» («Электра»), «Спасенный Рим» («Катилина»), «Семирамида» (у Кребильона то же название), «Пелопиды» («Атрей и Тиест»). Благочестивому и степенному Кребильону покровительствовали все реакционные и ханжеские элементы двора, окружавшие королеву, и, притом, иной раз драматургические творения Кребильона поощрялись здесь нарочито, в пику Вольтеру, его безбожному сопернику. Соотношение обоих писателей осложнялось не только этим обстоятельством, но также и тем, что Кребильон был цензором и от него зависела участь поступавших к нему на отзыв трагедий Вольтера. Впрочем, цензором он был беспристрастным и даже благосклонно любезным; единственное же серьезное изъятие, которое он допустил в цензурировавшемся им тексте Вольтера – двух стихов из Семирамиды, – вызвало со стороны последнего целый поток обвинений в злых кознях, якобы против него направленных, и энергичнейший нажим в письмах к начальнику полиции<sup>15</sup>.

Если не личность, то стиль творений Проспера-Жолио де Кребильона-старшего (род. 1674 г.), в годы Вольтера виднейшего из числа эпигонов великих трагических поэтов классицизма XVII в., подвергались в сочинениях и особенно в письмах Вольтера весьма частым нападкам. Здесь нет нужды обстоятельнее освещать этот общеизвестный вопрос. Публикуемый ниже текст вольтеровских маргиналий красноречивее любых цитат. Разумеется, в данном случае перед нами – не непосредственное, первое впечатление от незнакомого еще произведения; напротив, здесь сказывается тщательная придирчивость настроенного критика, учитывающего шаг за шагом все дефекты уже прежде читанного текста. Но при таком более внимательном чтении в нем обнаруживаются Вольтером все новые и новые «пошлости», «нелепица», «варварство», а натура фернейского старца столь импульсивна, что, вглядываясь пристальнее в вольтеровские пометки, покрывающие страницы кребильоновой пьесы, мы словно видим, как стремительно нарастает его раздражение, как подчеркивание неудачных оборотов сменяется выщучиванием нелепостей, как прорывается в его записях или отчеркиваниях то негодование безупречного стилиста, то прямая брань раздосадованного драматурга, остро воспринимающего беспо-

<sup>15</sup> Письма эти с приложением указанных стихов сохранились в так называемом «Бастильском деле» – рукописи Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде (Собр. Автогр. № 288) и были опубликованы впервые Леузон де Дюком. См.: Duc L. de. Etudes sur la Russie. Paris, 1852; и его же: Voltaire et la Police, Paris. 1867.

мощность автора, этого «варвара», «глупца» и безумца», «твердящего все одно и то же».

Маргиналии Вольтера на полях трагедий Кребиллона настолько интересны, что, несомненно, заслуживают стороннего анализа; они могут оказать существенную поддержку для уточнения литературных позиций Вольтера, его поэтики, его стилистических и драматургических воззрений. Как ни много сделано в этом отношении наукой, как ни обильны известные нам высказывания Вольтера по вопросам теории драмы, все же (при всей исключительной конкретности анализа отдельных стихов и даже выражений в «Комментарии на Корнеля»), именно цельность, полнота и конкретность публикуемых пометок дают исследователю новый и богатый материал для наблюдений. Однако и этот материал для построения достаточно широких и устойчивых выводов должен быть взят не изолированно, но в сочетании со всеми прочими пометками Вольтера на полях столь обильно в его библиотеке представленных театральные пьес. Только с полным учетом того, что собиралось здесь Вольтером, что им читалось и что (и как) снабжалось им пометками, подобный анализ получит достаточную убедительность, и от иллюстрации субъективной реакции читателя можно будет перейти к показу объективного значения этих свидетельств в историко-литературном разрезе. Такая задача встанет, несомненно, перед теми, кто подготовит к печати том «Свода маргиналий Вольтера», посвященный его пометкам на драматических сочинениях. Для предварительного же освещения публикуемых здесь пометок можно ограничиться самым суммарным их определением и сопоставлениями, а также постановкой вопроса о времени их возникновения.

К чему же сводится содержание вольтеровской критики? Вряд ли в данном случае уместно говорить о сознательно поставленной себе Вольтером принципиальной задаче, с которой он брался за книгу. Но, раз вооружившись пером для отметок, Вольтер его уже не выпускал до конца чтения и главные направления его работы, тенденции его разбора текста прослеживаются вполне отчетливо. Это, с одной стороны, – педантический учет и порою шаржирующее выпячивание всяческих стилистических недочетов читаемого текста, а с другой стороны, – раскрытие в нем смысловых (сюжетно-композиционных и психологически-идейных) несообразностей. Но и сквозь первую группу замечаний (критика формы) и сквозь вторую (критика содержания) просвечивает, преображая их, борьба за любимую стихию поэта, за театр высокой трагедии, театр, полный чувств и правдивости, борьба против рутины холодных напыщенных декламаций вместо бурного сценического действия. С каким злорадством подчеркивает Вольтер все эти бесчисленные повторения «зловещего» «злодеяния», «священного» «пламени» и т. п. трафаретного реквизита «ложной» классики (*funeste, forfait, sacré, flamme*)! Как настойчиво он подчеркивает, начиная с третьей сцены II действия, что самый сюжет исчерпан и что все дальнейшее лишь растягивает пьесу и держится только на цепи неправдоподобных положений («Здесь пьеса заканчивается. Завязка – вся» – а после речи Атрея и еще раз, в конце сцены: «Пьеса окончена. Ах, нет, я об этом не подумал. Проклятье, да

ведь я забыл о том, что хотел, чтобы сын его убил!»; «Поди-ты, вся твоя ярость – одна пошлость, и все эти извороты, раз брат в твоей власти, смешны. Ты тщетно себя взбадриваешь вплоть до самого конца пьесы», III, 3). Такого же характера и глоссы к четвертой сцене III действия и весьма к ним близкие по содержанию на страницах 148 и 149 (IV, 3); недаром и вся вообще эта сцена заслужила оценку как «отвратительная» (*scène detestable*), а через несколько минут Вольтер заметил, что и следующая за нею сцена «не менее плоха» (*Non moins mauvaise*). Близок к этому протест Вольтера против введения в пьесу требовавшегося традицией любовного элемента: таков, по крайней мере, смысл двух глосс о неуместности всего эпизода в конце 1-го действия. Но такого рода замечания заслоняются массой наблюдений более общего характера вроде: «Плоско, плоско. Монолог хорош лишь тогда, когда в нем борются страсти» (III, 12), или «все эти тонкости вызывают отвращение, а не заинтересовывают» (III, 1), или «заметьте, что он твердит все одно и то же» (V, 1). Особенно же сурово упрекает Вольтер Кребилльона за психологическую неправдоподобность его пьес: «как ты хочешь, чтобы люди интересовались этим варваром, собирающимся мстить через двадцать лет!» или «ведь его жена уже двадцать лет, как умерла!» (к 8 стиху III действия о «сердце, обманутом в своей любви»; ср. также «то было 20 лет тому назад» в третьей сцене того же действия) и т. п. От взоров поэта, искушенного в обработке сценических сюжетов, не ускользают и многочисленные фактические несообразности пьесы, например: «Эврисфен должен все это знать, надлежало взяться за это поискуснее (1, 2), «как будто он не знал, что тот в Афинах», «В первом действии этим приютом были Афины» (начало II действия), «Стало быть, ты собираешься отправиться в Пирей на корабле Атрея. Какова мысль!», «Какова мысль! А его лицо, а весь город?» (когда речь идет о том, «кто же сможет Тиеста узнать?»), «Чтобы она распорядилась флотом, да еще полновластно!», «Где эти его друзья? Кто упоминал о них?» (начало IV действия) и т. д. Вольтер спешит своими прямыми ответами на полях разоблачить риторичность вопросов: так, в шестой сцене III действия недоумению Атрея о том, что заставляет Тиеста принимать участие в судьбе Плисфена, Вольтер противопоставляет краткую справку: «он его дядя». Вообще, погоня за условной риторической пышностью приводит стихи Кребилльона к бессодержательным фигурам и постоянно дает Вольтеру поводы для насмешек всякого рода: «Кровосмеситель Тиест, подобный богам!» (четвертая сцена «здорово же он кричал!» (в конце II действия), «черт возьми, он в этом понимает толк!» (к неуместному упоминанию «любящего сердца»); трижды Вольтер после стиха, прерванного якобы волнением, ставит вопрос «quou?», требуя того прямого дополнения, которое отнюдь не подсказано самим смыслом событий.

Но сила Вольтеровских заметок заключается не только в их содержании, но также и в их форме. Том с трагедиями Кребилльона снабжен несколькими закладками без текста на страницах, не имеющих помет; в двух случаях – на страницах 93 (в строке 8) и 96 (в строке 14) встречаются маленькие наклейки; имеется случай корректурной поправки (в 10-й строке, стр. 111). Но основная масса пометок – это типичные маргиналии, рассеянные здесь в таком обилии,

что даже 39 закладок Ваньера учитывают не все страницы, снабженные ими. Притом самый термин «маргиналии» и здесь следует принимать не в его узком смысле, ибо пометки ставятся не только на полях, но и сразу вслед за последним словом стиха (особенно на нечетных страницах), а порою со знаком крестика выносятся на нижнее поле страницы. Написанные чернилами и довольно крупно (может быть, под влиянием шрифта и формата книги?), пометки эти сделаны, по-видимому, чрезвычайно быстро, часто даже не снабжены знаками препинания, а встречающиеся тут же вопросительные знаки нередко лишены точек. Более того, порою даже опущена важнейшая часть сказуемого, например, «trios forfaits va tous vers sont des...» (очевидно, подразумевается слово «forfaits»: «три злодеяния! поди! все твои стихи являются злодеяниями», стр. 143, строка 9), кроме того, крупнейшая часть пометок в данной книге вовсе лишена литературной формы – это простые подчеркивания отдельных слов или их сочетаний, болезненных для чуткого уха Вольтера или, напротив того, бесцветных как ходульные штампы *forfait*, *funeste*, *sacré* или как прозаизмы. Далеко не всегда такое подчеркивание сопровождается повторением на полях неудачного выражения Кредильона. Порою, напротив, на полях выписывается весь злополучный оборот автора, без подчеркивания буквального или смыслового: материал для этого сплошь да рядом имеется столь благодарный, что одного такого обнажения метафоры достаточно для более чем убедительной демонстрации ее полной нехудожественности. Именно к этому разряду принадлежит наибольшее число текстовых заметок. Более синтаксически развернуты маргиналии типа гневных или квазивосторженных восклицаний, вроде: «какая жалость, да разве кто поверит такой быстрой перемене» (IV, 4), «это – поканнибальски, а не по-трагически» (развязка) или «ах, как это хорошо написано» (рядом с неуклюжим 13 стихом на стр. 126). Впрочем, и они чаще всего сжимаются в безглагольную реплику «омерзительно» (конец), «какая глупость», «глупость! опять!», «хорош довод!», «хорош французский язык!». Но эти последние реплики как раз в подавляющем большинстве своем ироничны («бедное сердечко!», «ах, весьма красиво!», «совсем ново», «вот это ново!»), порой изображая ремарку воображаемого отчета о постановке («свистки» – «des sifflets» во время речи Плисфена в третьей сцене III действия), порой принимая готовую форму как бы упрека за «классический» штамп в критической статье («и все то „скройся!“ О, бедняга!»). Иногда одним простым словечком «шалун» (*polisson*) на полях Вольтер вскрывает комичную двусмысленность неумеренной гиперболы («любовь..., едва ли не свыше сил природы», III, 4), или догадкой («вероятно, то – первородный грех») сразу же и убивает весь ложный пафос вопроса героя о том, за что боги дали ему такого отца, и пускает стрелу в благочестивого Кребильона. К сожалению, от перевода едва ли не большинства подобных замечаний и смешных догадок Вольтера приходится воздержаться, ибо весь их юмор заключен в подчеркивании какого-либо словосочетания, грамматически или стилистически нетерпимого именно во французском языке.

Читая произведения Кребильона, Вольтер то и дело переходит в прямой диалог и притом даже не только с раздражающим его автором, но и с самими действующими лицами пьесы, обращаясь к ним на «ты»: «Эх ты, глупец! Да разве ты не мог отомстить?», «как это?» (*comment*, несколько раз), «увы!», «угрызения в чем?», «где?», «возможно ль?» и т. п. Но, пожалуй, самыми характерными следует считать здесь даже не эти упреки, не те пространные соображения по существу, о которых упоминалось выше, но презрительно-недоуменные пожимания плечами: «какая неуместная сцена» или «галиматья!» (несколько раз), а особенно – все учащающуюся к концу брань. Приводится тот или иной грамматически нетерпимый оборот и вслед за ним Вольтер-пурист клеймит своего соперника такими эпитетами, как «одержимый» (III, 7), «аллоброг», «гот, вандал» (вандал – трижды), визигот (на титульном листе II тома, создавая пародийный титул автора «визигот французской Академии», см. снимок) а раз даже «готом, визиготом, остроготом» вместе.

«Варварство» Кребильона – не случайная оценка пристрастной критики. Этот упрек вообще не нов. Еще Ж. Б. Руссо в «Послании к Маро» назвал Кребильона «холодным бесноватым» (*froid energumène*), а его стихи «остготскими». Сам Вольтер в своем «Послании к Даламберу» (1771) прилагает к имени Кребильона эпитет «варвар» (*On préfère à mes vers Crébillon le barbare*). Это позволяет нам подойти к вопросу о том, когда были сделаны Вольтером интересные нас его пометы и как он ими пользовался.

Однако прежде чем покинуть самый экземпляр «Сочинений Кребильона» из фернейской библиотеки, необходимо сделать еще два наблюдения:

а) Далеко не весь том (вернее, не оба вместе переплетенных тома, к которым приложена еще вышедшая с отдельной пагинацией трагедия «Триумвират») послужил объектом внимательного чтения и критики Вольтера. Обстоятельнее всего снабжена пометками трагедия «Атрей и Тиест»; столь же подробной аннотации подверглась было трагедия «Радамист и Зенобия», но дело не пошло здесь далее ее шестой страницы (стр. 263–269; далее Вольтером сделано лишь единственное подчеркивание на стр. 273); чистые, без надписей, закладки приводят в I томе лишь к первой сцене II действия трагедии «Электра», а во II томе – к начальным сценам трагедий «Катилина» и «Ксеркс», но и здесь, видимо, также внимательное чтение текста и его маргинирование было прервано на первых же страницах.

б) Тем сосредоточеннее, однако, как оказывается, была работа над «Атрейем и Тиестом»: всматриваясь в почерк и характер приписок, можно подметить, что по крайней мере конец III действия этой пьесы был проработан Вольтером с пером в руке неоднократно, по меньшей мере дважды. Особенно ясно видно это в более крупном и закругленном почерке и в более светлых и рыжеватых чернилах заключительных слов «и отвратительный писатель» (*et le detestable écrivain*), добавленных на стр. 144 к первоначально кончавшим глоссу словам «Oh, le maître fou!» (О, сверхбезумец!). Вполне отчетливо эта (следовательно, позднейшая) манера выступает и в ряде примечаний на предшествующих двух страницах 142 и 143, где они чередуются с примечаниями, писанными одинаково

во с основным текстом упомянутой глоссы, т. е. мельче и острее и более черными чернилами.

К какому же времени следует приурочить этот двукратный просмотр «Атрея и Тиеста»? Априорно рассуждая, было бы всего легче связать его с периодом написания Вольтером «Пелопидов». Однако о творческой истории этой, не увидевшей сцены, трагедии 1771 г. известно слишком мало, чтобы это могло пролить свет на вопрос о датировке интересующих нас помет, и поэтому необходимо привлечь сюда соображения другого рода.

Кребильон умер 17 июня 1762 г., а уже в июле того же года Вольтер написал, а в августе анонимно издал брошюру «Похвальное слово господину де Кребильону»<sup>16</sup>. Несмотря на внешне объективный и серьезный тон, отсутствие личных выпадов и памфлетной заостренности вообще, критика творчества умершего драматурга была столь уничтожающе-недоброжелательной, что даже Даламбер отказывался верить в то, что она могла выйти из-под пера Вольтера, который, будучи (как всем было известно) соперником Кребильона, не постеснялся беспощадно расправиться с ним, едва тот сошел в могилу.

Уже в этом произведении главные удары обрушиваются именно на «Атрея и Тиеста», причем основные недостатки здесь отмечаются те же, что и в маргиналиях: запоздалое на двадцать лет мщение, случаи неестественных сентенций и вычурных метафор. Приводится несколько примеров, совпадающих с подчеркнутыми в описанном здесь экземпляре: приведен также и перечень 10 случаев рифм на «funeste», из коих 5 приходятся на первое действие пьесы. Если не все эти примеры отмечены в маргинированном Вольтером экземпляре трагедии, то, с другой стороны, публикуемый ниже текст маргиналий дает ряд примеров рифмы на это же злосчастное слово «funeste» (так соблазнительно рифмующее с «Тиест»), не введенных в этот список<sup>17</sup>. В соответствующем разделе «Eloge de Mr. de Crebillon» есть еще один пример фальшивого тропа («une ombre qui perce la terre»), не снабженный никакими пометками Вольтера на изучаемом здесь экземпляре. Это заставляет нас думать, что могли существовать какие-либо иные рукописные материалы, например, выписки Вольтера из «Атрея и Тиеста», подготовившие разбор пьесы, легший в основу памфлета 1762 г. Интересующие же нас пометы сделаны были, по-видимому, для другой цели и нашли себе применение в другом месте.

Поводом для новой атаки Вольтера на Кребильона явился 9 лет спустя уже приводившийся выше стих из «Послания Даламберу»<sup>18</sup>, к которому он пристроил весьма обширное примечание. Это примечание, внесенное автором в издание 1771 г. и занимающее в издании Молана почти сто строк петитом, имело целью расчистить путь «Пелопидам» и в то же время хлестнуть по противникам, осмелившимся предпочесть Вольтеру «варвара-Кребильона». Под видом размышлений комментатора над тем, за что именно Кребильону досталось такое прозвище, Вольтер ссылается на соображения, высказанные в ноябрьской

<sup>16</sup> Voltaire. Oeuvres / éd. Moland. Vol. 24. P. 345.

<sup>17</sup> Voltaire. Oeuvres / éd. Moland. Vol. 24. P. 348.

<sup>18</sup> Ср. там же. Т. 10. С. 429.

книжке «Mercure» за 1770 г., и от вопроса об «ужасах» в пьесах Кребильона переходит к перечню дефектов его творчества вообще. Здесь-то как раз и повторены именно все те доводы против Кребильона, какие мы находим и в маргиналиях, притом именно по поводу текста «Атрея и Тиеста», тогда как «Радамист и Зенобия» даже берутся под защиту от упреков Буало (в «Похвале Кребильону» с этим совпадает только начало раздела, посвященного этой трагедии; все же остальное по всем формулировкам расходится с оценкой 1770 г., а по подбору цитат – и с публикуемыми здесь маргиналиями). Но совпадение всех первых примеров в примечании к «Посланию Даламберу» с пометками на полях на ленинградском экземпляре «Творений Кребильона» и следование в дальнейшем не только тексту памфлета 1762 г., но именно, и главным образом, наблюдениям маргиналий, позволяет с большой долей вероятности приурочить второе перечитывание нашего экземпляра к самому концу 1770 г. Недаром в письме к Д'Аржанталю от 19 декабря Вольтер писал: «Война моя – против аллоброгов, защищавших мнение, будто некий визигот, по имени Кребильон, писал трагедии французскими стихами; мнение это, однако, неверно»; Вольтер собирался тогда «ради славы нации» «похоронить» Кребильона, как тот некогда хоронил его самого<sup>19</sup>. Очевидно, чтение в этот момент лишь предстояло. С другой стороны, «Отрывок из одного письма», заменяющий во всех изданиях «Предупреждение автора» перед «Пелопидами» Вольтера и изданный в 1771 г., уже систематизирует все минусы трагедии Кребильона<sup>20</sup>, вероятно, на основе материала, полученного от разметки и послужившего и для примечания в «Послании Даламберу».

При всей половинчатости этих выводов и беглости приведенных наблюдений, мы сочли небесполезным предпослать их печатаемому ниже полному перечню маргиналий на сочинения Кребильона в издании 1750 г.

Ввиду обилия подчеркиваний, в данном случае упоминание о них в описании отдельных пометок заменено воспроизведением самих подчеркиваний, выделяемых здесь разрядкой. При этом не преследовалась цель передать фотографически точно манеру этих подчеркиваний, зачастую захватывающих лишь отдельные буквы или части слов.

В обозначении стихов пришлось отступить от правила вести счет стихов по актам и вместо этого дается упрощенный счет постранично, причем ремарки при счете строк во внимание не принимаются, а части стиха, разбитые диалогом, считаются за один стих. При следовании нескольких стихов подряд, нумерация обозначается только при первой строке. Разделение строк вольтеровских пометок передается только с помощью знака / (косой черты).

*Люблинский В. С. Маргиналии Вольтера // Вольтер : ст. и материалы : тр. науч. сессии, посвящ. Вольтеру, 1694–1944. – Л., 1947. – С. 115–131.*

<sup>19</sup> Voltaire. Oeuvres / éd. Moland. Vol. 47. P. 291, № 8129.

<sup>20</sup> Voltaire. Oeuvres / éd. Moland. Vol. 7. P. 103.